

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ПРУСТУ (К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ)

Литературный факт.
2023. № 2 (28)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (28), 2023

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-241-264>
<https://elibrary.ru/JFAWUZ>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Рецепция Пруста в России в 1920-е гг.

© 2023, А.Н. Таганов

Ивановский государственный университет,
Иваново, Россия

Аннотация: В статье прослеживается история рецепции творчества Марселя Пруста в России, начало которой приходится на 1920-е гг. Проблема восприятия прустовского писательского наследия, которая изучена еще не в полной мере, имеет особое значение, поскольку позволяет затронуть ряд важных вопросов теоретического и историко-литературного планов. Пруст как объект исследования избран здесь не случайно. В мировом литературном пространстве есть особые константные величины, сопоставление с которыми различных художественных явлений позволяет понять их художественную ценность, проследить за сменой аксиологических параметров, определяющих состояние того или иного этапа литературного процесса, и выявить в нем магистральные направления развития. В этой связи рецепция русской культурой творчества Пруста, который, безусловно, является одной из таких величин, заслуживает особого внимания и изучения, поскольку выявляет важные моменты не только в творчестве французского писателя, но и в развитии русской художественной литературы и литературной критики. На основании анализа многочисленных документальных свидетельств, содержащихся в периодических изданиях («Современный Запад», «Печать и революция», «На литературном посту» и т. д.), теоретических и литературно-критических работах авторитетных литературоведов (Н.Я. Берковский, В.В. Вейдле, Б.А. Грифцов, А.К. Воронский и др.) в высказываниях известных писателей (О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, Ю.К. Олеша, И. Ильф и Е. Петров), в статье показывается, как отношение к произведениям Пруста в указанный период развития советской литературы, который отличается сосуществованием и противоборством различных школ и направлений («Кузница», «Перевал», РАПП, ЛЕФ и др.), помогает уточнить их эстетическую направленность.

Ключевые слова: творчество Пруста, литературная критика, рецепция, аксиология, психологизм, классовый подход.

Информация об авторе: Александр Николаевич Таганов — доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, ул. Ермака, д. 39, 153025 г. Иваново, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3270-1277>

E-mail: shishtag@mail.ru

Для цитирования: Таганов А.Н. Рецепция Пруста в России в 1920-е гг. // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 241–264. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-241-264>

Проблема рецепции прустовского творчества в русской словесности носит далеко не случайный характер. В мировом литературном пространстве есть особые константные величины, сопоставление с которыми различных художественных явлений позволяет понять их художественную ценность, проследить за сменой аксиологических параметров, определяющих состояние того или иного этапа литературного процесса и выявить в нем магистральные направления развития. В этой связи рецепция русской культурой творчества Пруста, который, безусловно, является одной из таких величин, заслуживает особого внимания и изучения, поскольку выявляет важные моменты не только в творчестве французского писателя, но и в развитии русской художественной литературы и литературной критики.

Особое место в восприятии Пруста в России занимают 1920-е гг., когда происходит знакомство с его произведениями. Как известно, Пруст ушел из жизни 18 ноября 1922 г. Одним из тех, кто в числе первых обратил внимание на творчество Пруста в России, был А.В. Луначарский. Существует машинописный экземпляр статьи Луначарского «Смерть Марселя Пруста», очевидно, написанной в 1922 г., но которая не была издана. А в следующем году в журнале «Красная нива» [19] он опубликовал некролог на смерть Пруста, тогда еще совершенно не известного или известного понаслышке широкому русскому читателю. Об этом свидетельствуют в том числе, например, отсутствие упоминания Пруста в довольно подробной и насыщенной именами самых известных на тот момент авторов в статье А.А. Смирнова «Современное состояние французской литературы», опубликованной в журнале «Современный Запад» [29]. В следующем номере того же журнала в статье «Попытки культурного сближения Франции и Германии», подписанной инициалами А.Т. (очевидно, А.Н. Тихонов), где автор рассказывает о возобновлении знаменитых литературных бесед в Понтины, основанных П. Дюжарденом, имя Пруста уже возникает, однако и автор статьи, и редколлегия, видимо,

еще испытывают трудности с его транскрипцией на русский язык: «Но еще плодотворнее было общение более непринужденное, разговоры случайные и цели более живые. Читали стихи Валери и прозу Марселя Пру» [3, с. 196].

В одном из главных печатных органов того времени — в шестом номере журнала «Печать и революция» за 1924 г. — также можно встретить нелепую ошибку, касающуюся французского писателя. В разделе хроники при обзоре последних произведений, вышедших за рубежом, сообщалось, что в издательстве «Les Editions de France» вышел новый роман Марселя Пруста под названием «Я и его любовница» («*Sa Maîtresse et Moi*»). Курьез заключается, однако, в том, что произведение, приписанное автору «В поисках утраченного времени», на самом деле принадлежало достаточно известному в России того времени Марселю Прево (1862–1941).

Тем не менее информация о Прусте и об исследованиях, посвященных его творчеству, скоро начинает появляться достаточно регулярно в этих авторитетных печатных изданиях. Именно в журнале «Современный Запад» состоялось первое знакомство русского читателя с творчеством французского писателя: в первом номере издания за 1924 г. публикуется перевод Марии Рыжкиной фрагментов из романа Пруста, озаглавленный «Поиски утраченного времени». В том же выпуске журнала была помещена очень серьезная и проницательная статья В. Вейдле [9], о которой речь пойдет позднее, а в разделе «Библиография и хроника» присутствовало достаточно много информации о реакции на творчество писателя за рубежом. Таким образом не только произведения Пруста, но и отклики на его творчество во французской критике постепенно входили в литературное пространство России.

Конечно же более тесному и глубокому знакомству с творчеством Пруста советской читательской публики и критики способствовали переводы его произведений. Кроме уже упомянутого перевода М. Рыжкиной, в 1927 г. в ленинградском издательстве «Мысль» появляется перевод Е. Тараховской и Г. Орловской первой книги Пруста — «Утехи и дни»¹. В том же году в Ленинграде в издательстве Academia издается роман «В сторону Свана» в переводе А.А. Франковского², а в издательстве «Недра» — «Под сенью девушек в цвету» (совместный

¹ Пруст М. Утехи и дни / пер. с франц. Е. Тараховской и Г. Орловской. Л.: Мысль, 1927. 176 с.

² Пруст М. В поисках за утраченным временем: В сторону Свана (*Du côté de chez Swann*): в 3 т. / пер. с фр. А.А. Франковского. Л.: Academia, 1927. Т. 1. 288 с.; Т. 2. 334 с.; Т. 3. 294 с.

перевод Л. Гуревич, С. Парнок и Б. Грифцова)³. В 1928 г. издательство Academia публикует эту часть прустовского романа, переведенную одним Грифцовым⁴.

Перевод прустовских книг будет продолжен и в 1930-е гг. С 1934 по 1938 гг. в ленинградском издательстве «Время» вышло 4 тома «Поисков»: в 1934 — «В сторону Свана» (перевод А. Франковского), в 1935 — «Под сенью девушек в цвету» — перевод А. Федорова, 1936 — «Германт» — перевод А. Франковского, 1938 — «Содом и Гоморра» (перевод А. Федорова и Н. Суриной).

1920-е гг. — период во многом уникальный в истории советской литературы, сочетающий в себе разные, порой противоположные, тенденции. С одной стороны — огромный интерес к интернациональной литературе, что проявляется в появлении таких журналов, как «Современный Запад» (1922–1924), «Вестник иностранной литературы» (1928–1930), «Литература мировой революции» (1931–1932), а позднее «Интернациональная литература» (с 1933 г.). С другой стороны — вера в возможность создать литературу совершенно нового пролетарского типа и, наконец, попытки выстроить аксиологические схемы в соответствии с марксистской классовой теорией. Как известно, эти годы в истории отечественной словесности отличаются многообразием различных объединений: «Кузница», «Перевал», РАПП, ЛЕФ и др., между которыми велась острая борьба. Вполне можно предположить, что во многом именно все это разнообразие тенденций и направлений в определенной мере способствовало самой возможности появления и дальнейшего присутствия прустовского творчества в советском литературном пространстве тех лет, поскольку, подобная ситуация допускала различные, порой противоположные точки зрения на творчество Пруста.

Среди тех, кто первым, помимо Луначарского, упоминает о Прусте в России, и весьма авторитетный в то время литературовед и переводчик Б.А. Кржевский (1887–1954). В статье «О современной французской литературе» («Литературный еженедельник». 1923. № 40) он противопоставляет Пруста чрезвычайно популярным и переводимым в то время у нас Пьеру Бенуа (и в первую очередь его роману «Атлантида», 1919), Пьеру Миллю, Клоду Фарреру.

В числе авторов ранних откликов на произведения Пруста много тех, кто чрезвычайно высоко их оценивает несмотря на то, что

³ Пруст М. В поисках потерянного времени: Под сенью девушек в цвету / пер. с франц. Л. Гуревич, С. Парнок и Б. Грифцова. Л.: Недра. 1927. 429 с.

⁴ Пруст М. В поисках за утраченным временем: Под сенью девушек в цвету / пер. с франц. Б. Грифцова. Л.: Academia, 1928. 341 с.

к тому времени заключительные тома романа «В поисках утраченного времени» еще не были опубликованы. Так, Е.Л. Ланн, писатель и автор литературно-критических работ, в предисловии к изданию на русском языке сборника «Утехи и дни» (1926) сетует на то, что осведомленность в современной французской литературе весьма относительна, поскольку «до сих пор мы не знаем Пруста». Он пишет об авторе этой книги как о писателе настолько значительном, что «с выпадением Пруста из нашего поля зрения искажается для нас лицо сегодняшней литературной Франции» [15, с. 5]. «Утехи и дни», по его мнению, — «тонкая книга», а ее снобизм, о котором так много писали критики, — мнимый: «Всегда Пруст видел “светских” людей в должном освещении, никогда он не был ими одурачен». Вместе с тем, благосклонно относясь к первой книге французского писателя, Ланн сообщает российскому читателю, что «стержень творчества Пруста» — роман «В поисках утраченного времени», «архитектоника которого, по мнению некоторых французских критиков, напоминает дантовскую “Комедию”» [15, с. 8].

Учитывая малую известность Пруста русскому читателю, Ланн дает краткую биографическую справку о нем, говоря о его происхождении, образовании, особое внимание уделяя его болезни — астме: «Жизненный путь Пруста трагичен, и едва ли не сознание, что болезнь его смертельна, толкало Пруста в дни его юности погружаться в пьянящую светскую жизнь, пить “сегодняшний” день до конца, до капли, ибо “завтра” могло и не настать» [15, с. 7]. Спасение, по мысли Ланна, Пруст находит в творчестве, которому он посвящает себя целиком. Особого внимания, замечает автор предисловия, заслуживает стиль Пруста, который может стать «предметом монографии». Здесь же он затрагивает и проблему перевода его текстов, которая будет весьма актуальной и в последующие годы, поскольку прустовские языковые «периоды» очень часто «простираются на целую страницу, и посему перевод Пруста на другой язык — задача большой трудности» [15, с. 8].

А.А. Франковский, который, кстати, и являлся одним из переводчиков прустовских текстов, представляя в 1927 г. роман «В сторону Свана», говорит о Прусте как о «светиле необыкновенной яркости», подчеркивая, что тот с «изумительной, с невероятной точностью» запечатлел те «еле уловимые мгновения, когда перед нами обнажается подлинное существо предметов и людей». С этим романом Пруста, по мнению Франковского,

могут выдержать сравнение только такие произведения, как «Мемуары» Сен-Симона, «Человеческая комедия» Бальзака, «Война

и мир» Толстого, «Ругон-Маккары» Золя. Мы имеем в нем первое значительное литературное отражение эпохи Третьей Республики. Салоны 80-х и 90-х годов, Булонский лес, дело Дрейфуса, провинция, — перед картинами Пруста меркнут и кажутся незначительными «Современная история» и «Остров пингвинов» Анатоля Франса, романы Бурже и другие попытки передать дух эпохи [32, с. 7].

Роман Пруста — новое слово в литературе и для Б.А. Грифцова, который также был переводчиком французского писателя, а вместе с тем и исследователем его творчества. Тема, манера видеть вещи, выражать свои впечатления, стиль, мастерство исполнения — все в нем оригинально, пишет он в предисловии ко второму тому цикла «В поисках утраченного времени» (1928) [12]. Впрочем, эти слова — не единственный отзыв Грифцова о произведениях Пруста. Еще раньше, в 1926 г., он подготовил к печати статью о творчестве французского писателя, которая представляла собой серьезную для того времени попытку анализа художественного мира Пруста, где особое внимание было уделено проблемам психологии и творчества, проводились сопоставления прустовских взглядов с идеями Бергсона и Фрейда. В силу обстоятельств статья осталась неопубликованной и появилась только в 1988 г. в составе книги «Психология писателя». Определяя наиболее существенную сторону творческого метода автора «Поисков», Грифцов пишет:

Пруст работает с «замедлителем», он микроскопически обследует содержание сознания, не боясь того, что ни одно впечатление не приходит отъединенно, но всегда связанное в пучок разнородного, как будто вовсе не сходного (так! — *А. Т.*). Только в такой автоматической записи становятся видны одновременные скрещения разных, иногда до полной противоположности разных, психических тенденций, перебои, вдруг направляющие ход мыслей в ненужную как будто сторону, где оказывается все ускользающий узел переживаний. Только так становится видна текучесть психики. В этом принципе — самое важное достижение Пруста [11, с. 267].

Известный в то время литературовед, переводчик К.Г. Локс, в рецензии на первую книгу Пруста «Утехи и дни» признает:

Трудно найти прозаика более чуждого, нашей русской современности, — замкнутый в очень узком кругу наблюдений светского общества, сосредоточенный на изображении тончайших оттенков

душевной жизни, Пруст, может быть, ничего и не хотел знать об исторических переменах, социальных вопросах и т. п. Тем не менее его следует знать русскому читателю, прежде всего, как художника чрезвычайно своеобразного [17, с. 206].

По мнению автора рецензии, книги Пруста «учат заново видеть и анализировать мир и, безусловно, нужны русскому читателю» [17, с. 206].

В другой рецензии, посвященной публикации «В сторону Сва-на» в переводе А.А. Франковского и «Под сенью девушек в цвету» (совместный перевод Л. Гуревич, С. Парнок и Б. Грифцова), Локс называет самыми существенными особенностями дарования Пруста «точный анализ любви и ревности» и «высокую поэзию вещей и мимолетных чувств» [18, с. 202].

Повторяя тезис о полезности прустовских книг для русского читателя, он поясняет: «Вся сила и убедительность его острых и неожиданных открытий в области душевной жизни именно в том, что они отмечены непосредственным художественным опытом и напоминают страницы дневника или исповедь» [18, с. 202]. Эта излюбленная форма повествования Пруста приводит к тому, что «все время мы слышим свидетеля, зрителя, очевидца». Все книги Пруста для Локса — один большой роман, «неровный, требующий чрезвычайной сосредоточенности и внимания, роман, в котором единственная фабула — приключения своей собственной души» [18, с. 202]. У его книг, по убеждению автора статьи, — «болезненный, иногда нестерпимо обнаженный характер», а прустовская «жадность познать человека ненасытима», «салон III империи зарисован им не с меньшим реализмом, чем “Пир Тримальхиона” Петронием» [18, с. 202].

В той же статье Локс обращается к уже затрагивавшейся Е. Ланном проблеме перевода текстов Пруста и делает это весьма радикально. Он признает, что перевод книг, в которых дарование Пруста выразилось с «наибольшим напряжением, особой, почти извращенной гениальностью», еще впереди, однако и «эти два тома — уже многое». Вместе с тем, его совершенно не устраивает «ужасный перевод А. Франковского». Он подчеркивает, что книги Пруста будут важны для русского читателя, в особенности в тех случаях, когда качества перевода соответствуют подлиннику. Признавая, что прустовские тексты переводить исключительно трудно, Локс утверждает, приводя при этом конкретные примеры, что перевод А. Франковского не имеет никаких оправданий:

Двухаршинные периоды, отмечающие в подлиннике сложность мысли, кажутся в русском тексте просто варварством неуча; бесконечные «который, который», «что, что» приводят в отчаяние. Но и помимо этого отдельные места до того чудовищны и бессмысленны, что заставляют заподозрить самое элементарное знание языка <...> [18, с. 202].

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что в рецепции творчества Пруста в указанные годы присутствует достаточно много позитивных моментов. В подтверждение этого можно привести еще целый ряд свидетельств. С точки зрения В. Владко (настоящее имя В.Н. Еремченко), который был известен в первую очередь как автор фантастических романов, Пруст — совершенно необычное, оригинальное и интереснейшее явление современной западной литературы [8]. С. Ромов (настоящее имя — С.Д. Роффман), литератор, переводчик, исследователь искусства и литературы авангарда, долгое время живший во Франции и хорошо ее знавший, предсказывает: «Можно даже без преувеличения сказать, что на протяжении ближайших лет вся французская литература будет развиваться под влиянием сюрреализма и, независимо от него, под влиянием Марселя Пруста» [28, с. 196]. Б.Ф. Рейх (Райх) отмечает энциклопедичность романа французского писателя [26, с. 110]. Исследуя особенности французского романа 1928 года, Ф.Д. Риза-Заде отмечает, что особое положение в нем занимает психологический роман, который представляет собой «вершину современной литературы» и при этом «сильно усложнился и дифференцировался»:

Одна струя его продолжает традицию классического психологического романа, другая, появившаяся в литературе лишь в XX веке, довольно резко порывает с этой традицией и вносит в психологический роман совершенно новые, дотоле чуждые и даже изгоняемые элементы. Эту последнюю струю психологического романа можно было бы характеризовать как новейший этап французского психологического романа, обогатившегося новыми элементами, принесенными самыми сильными из всех испытанных французской литературой за последнее двадцатилетие влияниями — Достоевского и Пруста и порождаемыми все усложняющейся психологией человека буржуазного общества эпохи империализма [27, с. 105].

«После Пруста, — считает Ф.Д. Риза-Заде, — психологизм стал обязательным для всех жанров романа и бытового в частности» [27, с. 115].

«Вместе с Анатолем Франсом, — утверждает сотрудничавшая со многими периодическими изданиями того времени А.Н. Рашковская, — заканчивается традиция “артистического романа”, эпоха блестящего мастерства. Марсель Пруст, крупнейший французский художник-психолог, своей грандиозной эпопеей “В поисках потерянного времени” завершает пути французского психологического романа» [25, с. 1140].

В 1928 г. в издательстве журнала «Огонек» был опубликован фрагмент «Поисков» под названием «Любовь Свана» в переводе В. Парнаха. В связи с этим в разделе «Окно в мир» указанного журнала была напечатана следующая заметка:

Марсель Пруст — французский писатель, получивший в 1919 г. Гонкуровскую премию, является художником исключительной силы и оригинальности «Любовь Свана» — отрывок из романа «В поисках за утраченным временем», до сих пор еще целиком неопубликованного (вышло 13 томов). В романе нашла отражение та буржуазная эпоха, в которой протекала юность автора, сумевшего с большой художественной тонкостью изобразить едва уловимые ощущения и переживания своих героев. Основные черты Марселя Пруста — наблюдательность, доведенная до виртуозности, и глубочайший психологизм — находят место в книжке «Любовь Свана», вышедшей и рассылаемой с настоящим номером «Огонька»⁵.

Вполне естественно, что в эти годы начинают проявлять интерес к творчеству Пруста и писатели. Правда, документальных подтверждений подобного интереса сохранилось довольно мало. Известно лишь одно упоминание В. Маяковским имени Пруста. В «Парижских очерках» (1923) он сообщает:

Я обратился к моим водителям с просьбой показать писателя, наиболее чтимого сейчас Парижем, наиболее увлекательного Париж. Конечно, два имени присовокупил я к этой просьбе: Франс и Барбюс. Мой водитель «знаток», украшенный ленточкой Почетного легиона, поморщился: — Это интересуется вас, «коммунистов, советских политиков». Париж любит стиль, любит чистую, в крайности — психологическую литературу. Марсель Пруст — французский Достоевский, — вот человек, удовлетворяющий всем этим требованиям. Это было накануне смерти Пруста. К сожалению, через

⁵ Огонек. 1928. № 2 (250). 8 января. С. 16.

три дня мне пришлось смотреть только похороны, собравшие весь художественный и официальный Париж, последние проводы этого действительно большого писателя [22, с. 451].

Другой пример можно найти в воспоминаниях М. Штиха (М. Львова) о газете «Гудок» 1920-х гг.:

В этот час в комнате четвертой полосы собирался весь литературный цвет старого «Гудка». Кроме Ильфа, Петрова и Олеси, здесь были завсегдатаями Катаев, Булгаков, Эрлих, Славин, Козачинский. И — боже ты мой! — как распаялись страсти и с каким «охватом» — от Марселя Пруста до Зощенко и еще дальше — дебатировались самые пестрые явления литературы! [35, с. 105].

Позднее, вспоминая об И. Ильфе, Ю. Олеша приписывал ему выражение «хедер имени Марселя Пруста»: «О ряде молодых писателей, писавших неплохо, но слишком изысканно, почти брезгливо к слову — причем это в большинстве были как раз евреи, — Ильф сказал, что это “хедер имени Марселя Пруста”» [23, с. 74]. Это выражение, которое, кстати, действительно можно видеть в фельетоне И. Ильфа и Е. Петрова «Головой упираясь в солнце»⁶, будет встречаться и у Б. Пильняка («Камни и корни»)⁷.

В числе писателей того времени, о котором идет речь, бесспорно, были творческие натуры, по духу и художественному видению близкие к Прусту. Среди них — О. Мандельштам, хотя свидетельств этой близости со стороны самого писателя очень мало. Одно из них, доказывающее, что Мандельштам знал произведения Пруста, — статья «Веер герцогини», напечатанная в газете «Киевский пролетарий» 25 января 1929 г., где автор использует прустовский персонаж для характеристики современной ему литературной критики. Мандельштам вспоминает об одной из героинь Марселя Пруста — герцогине, которая слушает музыку Шопена:

Перед герцогиней встала проблема: отбивать ли ей веером такт, как это делали соседки, или нет, не слишком ли жирно будет для музыкантов такое необузданное одобрение с ее стороны? И вот голубая особа блестяще вышла из затруднения: она привела в движение свою

⁶ Ильф И. и Петров Е. Головой упираясь в солнце // Ильф И. и Петров Е. Как создавался Робинзон. М.: ОГИЗ; Молодая гвардия, 1933. С. 51–52.

⁷ Пильняк Б. Камни и корни. М.: Сов. литература, 1934. С. 196.

черепаховую штучку, но не в такт исполняемой музыки, а вразнобой — для независимости» [21, с. 292].

Отечественная критика напоминает Мандельштаму в некоторых отношениях эту герцогиню: «она высокомерна, снисходительна, покровительственна [21, с. 292]. Использование имени Пруста, здесь, конечно, выглядит эпизодическим, но, с другой стороны, в самом творчестве Мандельштама проблемы, присутствующие в книгах Пруста, занимают не менее важное место.

Из самых ранних откликов на творчество Пруста в России тех лет, безусловно, особое место занимает уже упомянутая работа В.В. Вейдле, опубликованная в журнале «Современный Запад» в 1924 г., который оказался для него переломным: именно в это время он, как и многие другие русские интеллигенты, покинет родину и будет продолжать свою творческую деятельность в эмиграции, став одним из самых ее авторитетных исследователей мировой культуры и литературы.

Говоря о Прусте, Вейдле дает удивительно пронизательную и во многом точную оценку романа «В поисках утраченного времени» несмотря на то, что к тому времени прустовская книга еще не была опубликована полностью. С точки зрения критика, «в европейской прозе последних десятилетий нет явления более значительного», «нет в современной литературе более свободной, более непредвиденной, более первозданной книги» [9, с. 155], нежели произведение Пруста; оно не зависит от велений моды и рождено для долгой жизни.

Мнение Вейдле выгодно отличается от попыток других критиков сузить рамки прустовской книги до воспроизведения окружающего его мира, чаще всего аристократического, увидеть в ней сатиру на этот мир или панегирик аристократии:

Нравы, как таковые, вовсе его не интересуют. Когда он говорит об эгоизме, о бессердечии, о равнодушии к чужой судьбе, он думает о жестокости самой жизни, о ее законе, лежащем глубже, чем специальные недостатки аристократического общества и предопределяющем их собою [9, с. 158].

Исследуя творческий метод французского писателя, Вейдле замечает, что тот «в сущности, вообще не описывает, не очерчивает предмет, не обходит его кругом, но расчленяет, чтобы в него проникнуть» [9, с. 157]. При этом, считает автор статьи, было бы ошибкой полностью сближать его творческую манеру с научной методологией: «<...>

как бы ни было пронизательно и точно художественное мышление Пруста, лучше не сравнивать его с работой скальпеля и микроскопа, с дискурсивным мышлением науки; оно не разлагает, а воссоздает, животворит, а не умерщвляет <...>» [9, с. 158].

Кстати, и здесь Вейдле проявляет удивительную прозорливость: Пруст неоднократно высказывался против попыток сравнивать его творческий метод с микроскопом, предлагая сравнение с другим оптическим прибором — с телескопом, имея в виду как раз то, что подчеркивает Вейдле: нацеленность его произведения на постижение общечеловеческих, универсальных законов.

Наконец, Вейдле сумел уловить несмотря на то, что роман еще не был опубликован полностью, внутреннюю организованность, композиционную заданность и конструктивную оформленность прустовского произведения:

Не найдя у Пруста ни драматургической сжатости, ни архитектурной симметрии, мы сперва обвиним его в отсутствии всякой «композиции». Потом, при более внимательном чтении, мы усмотрим подобие закона в этом мнимом беспорядке [9, с. 160].

В этой связи показательно замечание Пруста о структурной особенности «Поисков», которое он сделал в 1914 г., после выхода в свет «В сторону Свана», в одном из писем к Жаку Ривьеру: «Наконец-то я нашел читателя, который догадывается, что моя книга является трудом догматическим и представляет собой конструкцию» [37, с. 1].

Естественно, в советской критике 1920-х гг. существовали и иные оценки творчества Пруста. Так, пролетарский поэт и критик Г.В. Якубовский, принадлежащий к литературному направлению «Кузница», говоря о раннем периоде деятельности писателя, признает значительность прустовского наследия (Пруст — «сложный психологически и формально крупный мастер» [36, с. 198]), но сводит его ценность к тому, что «изошренность психологического анализа, острота художественного резца Марселя Пруста дают возможность нашему читателю заглянуть в глубину разложения верхних слоев капиталистического общества». Проникая в психологию изображаемых им персонажей, Пруст, по мнению критика, объективно, «хочет ли он этого или не хочет, показывает психологию вырождения» [36, с. 197–198]. На этом основании в духе классического вульгарного социологизма строится и главный вывод критика: «Творческий мир Марселя Пруста с его цветистым психологизмом, эстетством, с его великосветскими героями далек от нашей современности» [36, с. 195].

Такого рода аксиологическая методология в этот период становится все более распространенной, хотя степень ее радикализации варьируется. Так, например, Н. Тарасов в статье, опубликованной в 1928 г. в советском еженедельнике «Наш союз», издававшемся в Париже, пытаясь выявить самые значительные явления во французской литературе того времени, констатирует:

...если спросить любого начитанного француза, кого он считает самым крупным из современных писателей, ответ будет всегда один: Марселя Пруста. В этом году вышел, наконец, последний, уже по-смертный том огромного романа Пруста «В поисках за утраченным временем», и критики всех направлений в один голос кричат, что это самое значительное произведение всей послевоенной литературы, чуть ли не всего века» [30, с. 2].

Такое положение дел откровенно удивляет автора статьи: «Но кроме узкого круга знатоков, мало кто прочел от доски до доски все произведение. Его необычайная растянутость, стиль, слишком ровный и бесстрастный, тяжеловатый, и само содержание — бесконечное копание в утонченной психологии утонченных людей умирающей эпохи, все это мало отвечает настроению рядового читателя, даже во Франции» [30, с. 2]. Итоговая оценка Н. Тарасова творчества Пруста и современной французской литературы весьма критичны:

Что дает, чему учит новая парижская книга? Есть ли в ней живой творческий темперамент, неподдельная радость жизни, сдержанная сила гения? Или все это слова и одни слова, и очень ли нам нужна светская болтовня Пруста, смакование своих пороков Жидом, претензия на глубину утонченных биографов, риторические упражнения новых мистиков вроде Франсуа Мориака? [30, с. 2]

Имя Пруста постепенно все чаще встречается в работах, где делается попытка выявить главные тенденции в литературном развитии нового века. Так, анализируя современное состояние западной литературы того периода, советский литературный критик и литературовед А.М. Лейтес считает самой распространенной в ней «услужливую беллетристику международных спальных вагонов, столь же интернациональную, столь же комфортабельную, как и эти вагоны» [16]. В то же время, он особо выделяет влияние на художественную литературу кинематографа: «С одной стороны, роман ударился в авантюрную фабулу, в трюковой сюжет, в преодоление времени и пространства,

с другой стороны — он ушел, под влиянием кинематографа (отталкивающее влияние!), в крайний болезненный психологизм, где “в поисках потерянного времени” автор посвящает каким-нибудь 3-4 часам переживания своего героя тысячу страниц своего романа» [16, с. 15]. Ярким подтверждением своей мысли критик считает «произведение ирландца Джемса Джойса “Улисс”, пользующееся огромным успехом», а также «одинадцатитомный роман Марселя Пруста, одного из значительнейших стилистов французской литературы XX века» [16, с. 15].

Анализируя приведенные примеры, важно отметить, что с самого начала в восприятии Пруста в России сосуществовали два подхода: психолого-эстетический и идеологический. Очень часто они причудливо сосуществовали в рецепции прустовских текстов одного и того же литератора.

Уже в некрологе Луначарского [19] и в его неопубликованной статье «Смерть Пруста» оба подхода обозначились довольно отчетливо, хотя и не в развернутой форме. С одной стороны, Луначарский особо выделял необыкновенное изящество стиля Пруста, «проявившее свою мощь в особенности в пейзажах и в тонком анализе душевных явлений», мастерство, сказавшееся при создании «огромной серии различных типов, главным образом, из аристократического круга и их антуража». С другой стороны, Луначарский утверждает, что Пруст тонко подмечал недостатки аристократической Франции и «иногда вскрывал бессмысленность ее жизни, сам того не замечая», будучи ее большим поклонником [19, с. 24]. В 1926 г. в «Письмах из Парижа», печатавшихся в «Красной газете», он, отмечая «выдающиеся достоинства внутреннего и внешнего импрессионизма» Пруста, говорит о «духе невыносимого снобизма и лакейского низкопоклонства перед аристократией, которым прежде всего набит весь пухлый роман» этого писателя [20, с. 397–398].

Суждения о творчестве Пруста в России начинают приобретать все более заинтересованный и острый характер в связи со спорами, развернувшимися с середины 1920-х гг. вокруг проблемы художественного психологизма, которые были обусловлены, в частности, выдвиганием рапповцами лозунга «за живого человека». Основными участниками этой дискуссии стали главные литературные группы тех лет — РАПП, ЛЕФ, «Перевал». В 1926 г. П.С. Коган писал: «Теперь человек выходит на сцену. Можно сказать, мы уперлись в человека» [14, с. 43]. В 1928 г. В.М. Фриче напоминает: «Пред нашей художественной литературой единодушным мнением руководящей критики поставлена одна из основных проблем, проблема о “живом человеке”»

[33, с. 237]. В литературе дискуссии сразу же обрели широкий смысл и были нацелены на решение вопросов методологического плана (см.: [4; 5; 34]).

Имя Пруста в процессе этих споров нередко использовали в качестве весомого аргумента представители различных точек зрения. Так, Н.Я. Берковский, выступая в те годы с позиций РАППа в журнале «На литературном посту»⁸, отдавал должное мастерству Пруста, причисляя его к «лучшим современным французам» [6, с. 226], вместе с тем, видел в творчестве французского писателя один из примеров «отрицательного опыта» психологизма: «психологистика⁹ сверх изощенного Пруста», по мнению Берковского, «служит, чтобы учить радоваться своему “я”, длить и тончить наслаждение». Литература подобного типа «становится наставником “внутреннего гедонизма”» [6, с. 227]. Психологизм Пруста Берковский сближал с психологизмом Л.Н. Толстого, который, по его убеждению, «учинял “коронации” обывательским ценностям, под эстетические венчики подвел еду, брак, беременность, охоту с борзыми, пеленание ребенка, — “душевно” углубил эти внешние акты» [6, с. 227]. И тому, и другому Берковский, исходя из требования социологизации психологического изображения персонажа, противопоставлял психологизм пролетарской прозы, который в силу характера материала «трезв, познавателен, общественно-активен» [6, с. 227].

В 1928 г. в журнале «На литературном посту» была опубликована статья немецкого коммуниста, принимавшего активное участие в культурной жизни России, А. Куреллы «Против психологизма (к вопросу о тематике и технике пролетарской литературы)»¹⁰, в которой он оспаривал мысли Н.Я. Берковского и других о необходимости «социального психологизма», усматривал в этом опасность для пролетарской литературы, поскольку концентрация на внутреннем мире, на индивидуальной душе, «живом человеке» укрепляет идеалистическое восприятие роли отдельной личности. Отталкиваясь от этого, автор статьи заключал, что роль углубленного психологизма в литературе — «роль контрреволюционная», какой бы «материал», какая бы «душевная ткань» ни избирались при этом. Отрицая необходимость психологизма в литературе, А. Курелла противопоставлял ему «объек-

⁸ *Берковский Н.* Стилевые проблемы пролетарской литературы // На литературном посту. 1927. № 22–23. С. 54–60; № 24. С. 14–17. (В № 24 продолжение работы озаглавлено «Стилевые проблемы пролетарской прозы».)

⁹ Термин Н.Я. Берковского.

¹⁰ *Курелла А.* Против психологизма. (К вопросу о тематике и технике пролетарской литературы) // На литературном посту. 1928. № 5. С. 25–32; № 6. С. 22–26.

тивный реализм», предметом которого является не судьба отдельных персонажей (душевные переживания «живых людей»), а комплексы событий (исторических, политических, социально-экономических, местно-эпизодических), в которые должны погружаться персонажи. Удачным примером такой литературы А. Курелла считал французского писателя, автора «производственных романов» П. Ампа¹¹, у которого на первый план выходит не отдельный герой, а «отрасль труда» как продукт человеческой работы.

Одним из оппонентов А. Куреллы выступил Л. Авербах, который полагал, что главная ошибка Куреллы заключается в том, что он противопоставляет индивидуализацию типизации, психологию индивидуальную — психологии социальной:

Психологизм, — по Курелла, — «дитя идеализма». О каком психологизме идет речь? Конечно, можно установить, например, связь между психологизмом Марселя Пруста и идеалистической философией Бергсона. Психология может быть идеалистической там, где психологические процессы рассматриваются художником как независимая от внешнего мира данность, развивающаяся по своим имманентным законам. Психологизм материалистичен там, где писатель *усвоил* всю *глубину* марксистского положения о том, что бытие определяет сознание [1, с. 150–151].

Оспаривает Авербах и другой тезис своего оппонента: «Тов. Курелла безразлично, о какой “душевной ткани” и о каком “материале” идет речь. Именно потому он аргументирует против нас Прустом и Джойсом. Между тем у нас речь идет не о психологической экзотике, а о психологии социальных типов. Нам небезразлично, какой материал “по нитке разбирается” писателем» [1, с. 131]. По мнению Авербаха, все герои произведения должны быть «живыми людьми», а не штампами, схемами, ходячими лозунгами и плакатами: «И враг должен быть показан живым — но живым врагом» [1, с. 136]. В этой связи он замечает: «Пролетарскому писателю есть чему поучиться у Ампа. Но пролетарский писатель также не пройдет мимо М. Пруста и Ж. Жироду» [1, с. 137].

Вполне закономерно, что в ходе возникших литературных споров к творчеству Пруста обратился и А.К. Воронский (1884–1937). Воронский и его последователи — критики группы «Перевал» — пытались противостоять вульгаризаторским устремлениям в критике тех

¹¹ Настоящее имя Анри Бурильон (1876–1962). Один из создателей жанра «производственного романа».

лет. Еще в 1923 г. в статье «Искусство как познание жизни и современность: (К вопросу о наших литературных разногласиях)» Воронский писал:

Усвоив общие положения, что чистого, внеклассового искусства нет, что художник — сын своей эпохи и класса <...> критики «На посту» решили, что ни о каком объективизме не может быть и речи, что всякое художество насковзь пропитано узкоклассовым, узкоутилитарным субъективизмом [10, с. 380].

В творчестве Пруста Воронский увидел весомые аргументы в пользу его идеи о сложности художественного процесса. Пруст, с точки зрения Воронского, — «несомненно гениальный писатель» [10, с. 542], его психологизм во многом напоминает психологизм Достоевского, ибо Прусту удается вскрывать самые сложные, запутанные и еле уловимые движения человеческого духа. Особенно ценно, по мысли Воронского, то, что Пруст стремится воссоздать наивно-реалистическое представление о мире, воспроизвести «первоначальное восприятие», освобождая его от «позднейших рассудочных наслоений» [10, с. 349–350].

Несмотря на то, что, по мнению Воронского, Пруст, все-таки снисходительно относится к аристократии и оказывается весьма «далеким от того, чтобы посмотреть на это общество глазами писателя, близкого к трудовому народу», молодой советской культуре есть чему поучиться и есть что позаимствовать у Пруста, и в первую очередь — «чувство меры и умение показать природу, человека, вещь с облагороженной стороны» [10, с. 351]. Из признания дворянского облика Пруста, считает он, «совсем не следует делать тех наивных выводов, которые сплошь и рядом у нас делают, — нам-де нечего учиться у каких-то там аристократических вырожденков» [10, с. 354]. Методологическая позиция Воронского, лишенная узкоклассового схематизма, позволяла ему разглядеть в Прусте не только чрезвычайно талантливого и «культурного», но также крайне «поучительного и содержательного» для советской литературы писателя.

На рубеже 1920–30-х гг. все более отчетливо проявляется тенденция к унификации в области эстетики, к созданию «единого литературного фронта», выдвигаются требования непосредственного привнесения марксистской теории в литературоведение с тем, чтобы покончить с разнородным и разноголосицей, ибо «это отрадное в дни первоначального роста явление становится опасным, если оно распространяется за пределы детского возраста» [31, с. 61]. Конечно, и в это

время существовали иные мнения. В.П. Полонский, например, призывал к взаимному уважительному взаимоотношению спорящих сторон, выступал против силовых способов борьбы и в этой связи напоминал об опыте напостовцев, которые показали, «как не следует смотреть на литературу, как не надо критиковать ее» [24, с. 78].

Однако подобные предостережения не имели успеха, верх брал единый классово-утилитарный подход к художественным явлениям. О.М. Брик, например, автор многих смелых, авангардистских идей в области искусства, замечал: «Теория Полонских и Воронских имеет большой успех среди “свободных писателей”, которые рады не служить классу, а делать свое независимое дело, воображая, что они служат сразу всему человечеству» [7, с. 26].

И. Анисимов в статье «От Моруа до Тристана Реми»: сопоставляя Моруа и П. Морана заключает:

Моруа отличает противоположная тенденция. Он тяготеет в сторону Пруста, который был наиболее законченным художественным выражением старой промышленной буржуазии, становившейся все более инертной в социальном смысле. Это люди вчерашнего дня, у которых осталась достаточно богатая культурная традиция и очень часто некоторая экономическая устойчивость, но активную роль в политике буржуазного класса они уже перестали играть. Эта роль перешла к рыцарям концентрации, людям новой монополистской эпохи [2, с. 108].

Борьба против литературы, противоречащей официальной идеологии, велась по разным направлениям и разными способами, в том числе и через чистки библиотечных фондов. В этом плане показательно «Инструктивное письмо о пересмотре книжного состава массовых библиотек политпросветских и профсоюзных», разосланное всем краевым, областным, окружным и районным отделам народного образования. В нем значилось:

В ряду важнейших мероприятий, которые должны поставить библиотечное дело на надлежащую высоту, постановление ЦК ВКП(б) от 30/X 1929 г. предлагает: в течение 1929/30 г. провести просмотр книжного состава всех библиотек и очистить его от идеологически вредной, устаревшей и неподходящей к данному типу библиотеки литературы [13, с. 70].

Среди пространного списка литературы, подлежащей изъятию по самым разным библиотечным разделам: философии, религии, пси-

хологии, народного хозяйства — были указания и по «отделу беллетристики». В частности, из небольших библиотек, «обслуживающих преимущественно малоподготовленных читателей», предписывалось изъять «произведения (даже подчас и значительные в отношении литературного мастерства), проводящие настроение неверия в творческие возможности революции, настроения социального пессимизма» [13, с. 79]. В качестве примеров таких книг приводились: «Дьяволиада» М. Булгакова, «Нечестивые рассказы» Е. Замятина, «В грозу» и «Жестокость» С. Сергеева-Ценского. Кроме того, говорилось, что из библиотек этого типа также могут быть изъяты «произведения не актуальные (подчас даже враждебные по своей идеологической установке), представляющие литературный и психологический интерес для высококвалифицированного читателя, но неинтересные, а иногда даже вредные для малоподготовленного. Например, произведения таких писателей, как Моран П., Пруст М., Альтенберг П., Лагерлеф С., де-Ренье А., Цвейг С., Хект Б. и др.» [13, с. 79]. Правда, в примечании делалась весьма любопытная оговорка: «Из крупных библиотек, обслуживающих квалифицированного читателя, произведения эти не подлежат изъятию, но и в этих библиотеках они выдаются по спросу, а не рекомендуются» [13, с. 79].

Таким образом, к началу 1930-х гг. в литературной жизни Советской России начинают проявляться существенные изменения. Естественно, это повлияет и на восприятие писательского наследия Пруста. В эти годы психологические, художественные, стилистические аспекты в восприятии прустовского творчества отойдут на второй план. Возобладает вульгарно-социологический подход, иногда доходящий до радикальной аксиологической позиции. Впрочем, это уже предмет для нового самостоятельного подробного изучения.

Литература

1. *Авербах Л.* О задачах пролетарской литературы. М.; Л.: Московский рабочий, [1928?]. 176 с.
2. *Анисимов И.* От Моруа до Тристана Реми // Печать и революция. 1929. № 5. С. 108–115.
3. *А.Т. [Тихонов А.]* Попытки культурного сближения Франции и Германии // Современный Запад. 1923. № 3. С. 196.
4. *Белая Г.А.* Дон Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 395 с.
5. *Белая Г.А.* Из истории советской литературно-критической мысли 20-х годов (Эстетическая концепция «Перевала»). М.: Изд-во МГУ, 1985. 142 с.

6. Берковский Н. Мир, создаваемый литературой. М.: Сов. писатель, 1989. 498 с.
7. Брик О. Не теория, а лозунг // Печать и революция. 1929. № 1. С. 25—31.
8. Владко [В.Н.] <Рецензия> // Красное слово. 1928. Кн. 7. С. 217—218.
9. Вейдле В. Марсель Пруст // Современный Запад. М.; Л.: Всемирная литература, 1924. Кн. 1. С. 155—162.
10. Воронский А. Искусство видеть мир. М.: Сов. писатель, 1987. 704 с.
11. Грифцов Б.А. Марсель Пруст // Грифцов Б.А. Психология писателя. М.: Худож. лит., 1988. С. 252—277.
12. Грифцов Б. Предисловие // Пруст М. Под сенью девушек в цвету. Л.: Академия, 1928. С. 5—10.
13. Инструктивное письмо о пересмотре книжного состава массовых библиотек политпросветских и профсоюзных всем краевым, областным, окружным и районным отделам народного образования // Красный библиотекарь. 1930. № 5. С. 70—80.
14. Коган П.С. О Гладкове и «Цементе» // На литературном посту. 1926. № 1. С. 41—44.
15. Ланн Е. Предисловие к русскому изданию // Пруст М. Утехи и дни. Л.: Мысль, 1926. С. 5—8.
16. Лейтес А. Октябрь и западная литература. Харьков: Червоний шлях, 1924. 40 с.
17. Локс К. <Рецензия> // Печать и революция. 1927. № 2. С. 206—207.
18. Локс К. <Рецензия> // Печать и революция. 1927. № 8. С. 201—203.
19. [Луначарский А.В.] Марсель Пруст <Некролог> // Красная нива. 1923. № 6. С. 24.
20. Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 6. 639 с.
21. Мандельштам О. Веер герцогини // Мандельштам О. Шум времени. СПб.: Азбука, 1999. С. 291—297.
22. Маяковский В.В. Парижские очерки // Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. 451 с.
23. Олеша Ю. Книга прощания. М.: ВАГРИУС, 1999. 480 с.
24. Полонский В. Заметки журналиста: На пути к единому литературному фронту // Печать и революция. 1927. № 1. С. 78—80.
25. Рашковская А.Н. Новейшие течения в западно-европейской литературе // Вестник знания. 1928. № 23—24. С. 1140—1142.
26. Рейх Б. Марсель Пруст // Печать и революция. 1927. № 8. С. 109—114.
27. Риза-Заде Ф. Французский роман 1928 года // Печать и революция. 1929. № 2—3. С. 103—118.
28. Ромов С. От дада к сюрреализму (о живописи, литературе и французской интеллигенции) // Вестник иностранной литературы. 1929. № 3. С. 178—208.
29. Смирнов А.А. Современное состояние французской литературы // Современный Запад. 1923. № 2. С. 150—158.
30. Тарасов Н. О современной французской литературе // Наш Союз = Notre Union. 1928. № 17 (128). С. 2.
31. Фохт У. Проблематика современной марксистской теории литературы // Печать и революция. 1927. № 1. С. 61—72.

32. Франковский А. Предисловие // Пруст М. В поисках за утраченным временем: В сторону Свана (Du côté de chez Swann): в 3 т. Л.: Academia, 1927. Т. 1. С. 5–7.

33. Фриче В. В защиту «рационалистического» изображения человека // Красная новь. 1928. № 1. С. 237–244.

34. Шешуков С. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: Худож. лит., 1984. 351 с.

35. Штих М. (Львов М.). В старом «Гудке» // Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Сов. писатель, 1963. С. 93–106.

36. Якубовский Г. Ранний Пруст // Новый мир. 1927. № 3. С. 195–198.

37. Proust M., Rivière J. Correspondance (1914–1922). Paris: Plon, 1955. 324 p.

Research Article

Reception of Proust in Russia in the 1920s

© 2023. Alexander N. Taganov
Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia

Abstract: The article traces the history of the reception of Marcel Proust's works in Russia, which began in the 1920s. The problem of studying the perception of Proust's literary heritage, which has not yet been fully investigated, is of particular importance, since it allows us to touch upon a number of important issues of theoretical and historical-literary plans. Proust as an object of research is chosen here not by chance. In the world literary space there are special constant values, which, if to compare with various artistic phenomena, allows us to understand their artistic value, to follow the change of axiological parameters that determine the state of a particular stage of the literary process and to identify the main directions of development in it. Reception in the Russian culture works by Proust, which, of course, is one of such values, deserves special attention and study, since it reveals important moments not only in the creative activity of the French writer, but also in the development of Russian fiction and literary criticism. Based on the analysis of numerous documentary evidences contained in periodicals ("The Modern West," "The Press and the Revolution," "On a literary post," etc.), theoretical and literary-critical works of authoritative literary critics (N.Y. Berkovsky, V.V. Weidle, B.A. Griftsov, A.K. Voronsky, etc.), in the statements of famous writers (O.E. Mandelstam, V.V. Mayakovsky, Y.K. Olesha, I. If and E. Petrov), research reveals how the attitude to the works by Proust in the specified period of Soviet literature development, which is characterized by the coexistence and confrontation of various schools and trends ("Forge," "Pass," RAPP, LEF, etc.), helps to clarify their aesthetic orientation.

Keywords: Proust's works, literary criticism, reception, axiology, psychologism, class approach.

Information about the author: Alexander N. Taganov — DSc in Philology, Professor, Ivanovo State University, Ermak St., 39, 153025 Ivanovo, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3270-1277>

E-mail: shishtag@mail.ru

For citation: Taganov, A.N. “Reception of Proust in Russia in the 1920s.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (28), 2023, pp. 241–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-28-241-264>

References

1. Averbach, L. *O zadachakh proletarskoi literatury* [On the Tasks of Proletarian Literature]. Moscow, Leningrad, Moskovskii rabochii Publ., [1928?]. 176 p. (In Russ.)
2. Anisimov, I. “Ot Morua do Tristana Remi” [“From Maurois to Tristan Remy”]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 5, 1929, pp. 108–115. (In Russ.)
3. A.T. [Tikhonov, A.] “Popytki kul'turnogo sblizheniia Frantsii i Germanii” [“Attempts of Cultural Rapprochement between France and Germany”]. *Sovremennyi Zapad*, no. 3, 1923, p. 196. (In Russ.)
4. Belaia, G.A. *Don Kikhoty 20-kh godov: “Pereval” i sud'ba ego idei* [Don Quixotes of the 20s: “The Pass” and the Fate of Its Ideas]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 395 p. (In Russ.)
5. Belaia, G.A. *Iz istorii sovetskoi literaturno-kriticheskoi mysli 20-kh godov (Esteticheskaia kontseptsiiia “Perevala”)* [From the History of Soviet Literary and Critical Thought of the 20s (The Aesthetic Concept of the “Pass”)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1985. 142 p. (In Russ.)
6. Berkovskii, N. *Mir, sozdavaemyi literaturoi* [The World Created by Literature]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 498 p. (In Russ.)
7. Brik, O. “Ne teoria, a losung” [“Not a Theory, but a Slogan”]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 1, 1929, pp. 25–31. (In Russ.)
8. Vladko, [V.N.] “<Retsenziia>” [“<Review>”]. *Krasnoe slovo*, book 7, 1928, pp. 217–218. (In Russ.)
9. Veidle, V. “Marsel' Prust” [“Marcel Proust”]. *Sovremennyi Zapad*, book 1, 1924, pp. 155–162. (In Russ.)
10. Voronskii, A. *Iskusstvo videt' mir* [The Art to See the World]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 704 p. (In Russ.)
11. Gritsov, B.A. “Marsel' Prust” [“Marcel Proust”]. Gritsov, B.A. *Psikhologiiia pisatel'ia* [Psychology of the Writer]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1988, pp. 252–277. (In Russ.)
12. Gritsov, B. “Predislovie” [“Preface”]. Prust, M. *Pod sen'iu devushek v tsvetu* [Under the Shadow of Girls in Bloom]. Leningrad, Akademiia Publ., 1928, pp. 5–10. (In Russ.)
13. “Instruktivnoe pismo o peresmotre knizhnogo sostava massovykh bibliotek politprosvetskikh i profsoiuznykh vsem kraevym, oblastnym, okruzhnym i raionnym otdelam narodnogo obrazovaniia” [“Instructive Letter on the Revision of the Book Fund of Mass Libraries of Political and Trade Union Libraries to all Regional, District and Municipal Departments of Public Education”]. *Krasnyi bibliotekar'*, no. 5, 1930, pp. 70–80. (In Russ.)

14. Kogan, P.S. "O Gladkove i 'Tsemente'." ["About Gladkov and 'Cement'."]. *Na literaturnom postu*, no. 1, 1926, pp. 41–44. (In Russ.)
15. Lann, E. "Predislovie k russkomu izdaniuu" ["Preface to the Russian Edition"]. Prust, M. *Utekhi i dni [Joys and Days]*. Leningrad, Mysl' Publ., 1926, pp. 5–8. (In Russ.)
16. Leites, A. *Oktiabr' i zapadnaia literatura [October and Western Literature]*. Kharkov, Chervonii shliakh Publ., 1924. 40 p. (In Russ.)
17. Loks, K. "<Retsenziia>" ["Review"]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 2, 1927, pp. 206–207. (In Russ.)
18. Loks, K. "<Retsenziia>" ["Review"]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 8, 1927, pp. 201–203. (In Russ.)
19. [Lunacharskii, A.V.] "Marsel' Prust <Nekrolog>" ["Marcel Proust <Obituary>"]. *Krasnaia niva*, no. 6, 1923, p. 24. (In Russ.)
20. Lunacharskii, A.V. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols.]*, vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 639 p. (In Russ.)
21. Mandel'shtam, O. "Veer gertsogini" ["The Duchess' Fan"]. Mandel'shtam, O. *Shum vremeni [The Noise of Time]*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1999, pp. 291–297. (In Russ.)
22. Maiakovskii, V.V. "Parizhskie ocherki" ["Parisian Essays"]. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. [Complete Works: in 13 vols.]*, vol. 4. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957. 451 p. (In Russ.)
23. Olesha, Iu. *Kniga proshchaniia [The Book of Farewell]*. Moscow, VAGRIUS Publ., 1999. 480 p. (In Russ.)
24. Polonskii, V. "Zametki zhurnalista: Na puti k edinomu literaturnomu frontu" ["Journalist's Notes: On the Way to a United Literary Front"]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 1, 1927, pp. 78–80. (In Russ.)
25. Rashkovskaia, A.N. "Noveishie techenia v zapadno-evropeiskoi literature" ["The Latest Trends in Western European Literature"]. *Vestnik znaniia*, no. 23–24, 1928, pp. 1140–1142. (In Russ.)
26. Reikh, B. "Marsel' Prust" ["Marcel Proust"]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 8, 1927, pp. 109–114. (In Russ.)
27. Riza-Zade, F. "Frantsuzskii roman 1928 goda" ["A French Novel of 1928"]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 2–3, 1929, pp. 103–118. (In Russ.)
28. Romov, S. "Ot dada k surrealizmu (o zhivopisi, literature i frantsuzskoi intelligentsii)" ["From Dada to Surrealism (About Painting, Literature and the French Intelligentsia)"]. *Vestnik inostranoi literatury*, no. 3, 1929, pp. 178–208. (In Russ.)
29. Smirnov, A.A. "Sovremennoe sostoianie frantsuzskoi literatury" ["The Current State of French Literature"]. *Sovremnyi Zapad*, no. 2, 1923, pp. 150–158. (In Russ.)
30. Tarasov, N. "O sovremennoi frantsuzskoi literature" ["About Modern French Literature"]. *Nash Soiuz = Notre Union*, no. 17 (128), 1928, p. 2. (In Russ.)
31. Fokht, U. "Problematika sovremennoi marksistskoi teorii literatury" ["Problems of the Modern Marxist Theory of Literature"]. *Pechat' i revoliutsiia*, no. 1, 1927, pp. 61–72. (In Russ.)

32. Frankovskii, A. "Predislovie" ["Preface"]. Prust, M. *V poiskakh za utrachennym vremenem: V storonu Svana (Du côté de chez Swann) : v 3 t.* [In Search of Lost Time: Towards Swann (Du Côté de chez Swann): in 3 vols.], vol. 1. Leningrad, Akademia Publ., 1927, pp. 5–7. (In Russ.)

33. Friche, V. "V zashchitu 'ratsionalisticheskogo' izobrazheniia cheloveka" ["In Defense of the 'Rationalistic' Image of Man"]. *Krasnaia nov'*, no. 1, 1928, pp. 237–244. (In Russ.)

34. Sheshukov, S. *Neistovye revniteli. Iz istorii literaturnoi bor'by 20-kh godov* [Fierce Zealots. From the History of the Literary Struggle of the 20s]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984. 351 p. (In Russ.)

35. Shtikh, M. (L'vov, M.) "V starom 'gudke'." ["In the Old 'Hooter'."]. *Vospominaniia ob Il'e Il'fe i Evgenii Petrove* [Memories about Ilya Ilf and Yevgeny Petrov]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963, pp. 93–106. (In Russ.)

36. Iakubovskii, G. "Rannii Prust" ["Early Proust"]. *Novyi mir*, no. 3, 1927, pp. 195–198. (In Russ.)

37. Proust, Marcel, et Jacques Rivière. *Correspondance (1914–1922)*. Paris, Plon, 1955. 324 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 28.02.2023
Одобрена после рецензирования: 01.04.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 28.02.2023
Approved after reviewing: 01.04.2023
Date of publication: 25.06.2023